

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Одной из особенностей современной ситуации, сложившейся в исторической науке и образовании, да и в гуманитарных дисциплинах в целом, является рост значения процессов познания, связанных с производством и использованием информации, размещенной в медиа. В связи с процессами глобализации и универсализации медиaprостранства в обществе число пользователей этих информационных ресурсов интенсивно увеличивается. И поскольку именно они определяют информационное пространство исторического знания, давайте попробуем определиться в терминах и понятиях.

Что мы подразумеваем под термином «медиа»? Media (англ. яз., множ.) – средства, способы, посредники, промежуточные ступени. Поскольку обмен информацией – необходимая составляющая жизни общества, то медиа ресурсы, как опосредующее звено человеческой деятельности, являются одним из способов коммуникации, условием человеческой активности. Традиционное определение гласит: «медиа» – это устройство для записи, хранения и передачи информации¹. Причем обычно, – устройство именно технологического характера. Однако в качестве средства для хранения и передачи информации может выступать и письмо. Некоторые исследователи полагают, что и устный язык можно рассматривать как медиа технологию особого рода и основывают на ней устную историю. С другой стороны, также довольно известным является и толкование М. Маклюэна понятия «медийность», как *инструментальность* в широком смысле этого слова².

Медиа технологии сопровождают человека давно. Медиа условно делят на пять типов, каждый из которых в большей или меньшей степени является полем деятельности историка-профессионала: ранние медиа — письменность (рукописные ко-

¹ Медиа: история экспансии.

URL <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3169/3170>.

² McLuhan M. 1997.

дексы), печатные медиа (печать, литография, фотография), электрические медиа (например, звукозапись), масс-медиа (продукция кинематографа, телевидения), цифровые медиа, основанные на развитии компьютерных технологий, Интернета³.

Главнейшие функции медиа технологий объединяет одна черта – опосредованность. Центральным звеном цифрового мира является *коммуникация*. Физическое присутствие замещается цифровым, электронным присутствием, создающим новые формы социального взаимодействия. Новые типы сообществ – *misgo* – маленькие объединения людей вне географических и других границ. Возникает новая форма обмена идеями. Постоянное собирание информации ведет к исчезновению обыденной жизни, к новым формам контроля. Глобальная коммуникация приводит к «сжатию» мира, исчезновению «места» как такового, исчезновению пространства или во всяком случае, нивелированию его значимости. Это приводит к ускорению времени – цифровая информация передается со скоростью света – и в итоге к глобализации мира⁴.

В современную технологическую эру изменяется и общественное устройство, общество становится постиндустриальным, *информационным*. В центре развития такого общества лежат информационные (медиа) технологии (в отличие от фабрик индустриального общества). Соответственно, главный акцент делается на проблемах организации технологий и теоретического знания. Основным производственным ресурсом в информационном обществе выступает информация (в доиндустриальном – сырье, в индустриальном – энергия)⁵.

³ Медиа: история экспансии.

URL <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3169/3170>.

⁴ Маклюэн М. 2004. URL: <http://philosophy.pu.ru/deps/tecphil/educat/courses/text/makl.doc>.

⁵ Следует различать понятия «информация» и «знание». Существует довольно много определений этих терминов. Мы определяем *знание* как совокупность сведений, понятий, представлений о чем-либо, полученных, приобретенных, накопленных в результате обучения, опыта, в процессе жизни и т.д. и обычно реализуемых в деятельности для достижения каких-либо целей. *Информация* – это сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, свойствах и состоянии,

Термин «информационно-коммуникативное пространство исторического знания» общеупотребим и, казалось бы, самодостаточно и понятен всем без дополнительных разъяснений. Тем не менее каждая историческая эпоха имеет свои особенности в смыслах и способах передачи информации о прошлом и организации коммуникативного пространства функционирования этой информации.

Отметим, что интересующие нас термины – информационное пространство, коммуникации – несут на себе отчетливую печать междисциплинарности и используются в социологии, культурологии, политологии, философии и других гуманитарных, а также естественных дисциплинах. Понятие *«информационно-коммуникативное пространство исторического знания»* определяется нами как *социальный сегмент*, в котором в результате когнитивной и семантической деятельности человека формируются представления о прошлом и определяются способы передачи этих сведений от источника к аудитории. При этом, информационно-коммуникативное пространство исторического знания рассматривается нами как *системообразующий базовый элемент социального пространства*, так как именно оно лежит в основе формирования исторической (и шире – культурной) памяти и исторического сознания (и шире – исторической культуры) общества. Информационные ресурсы в сфере исторического знания и «механизмы» их использования являются одним из фундаментальных оснований, на которых держится самоидентификация социальной общности. Исторические информационные ресурсы реализуют потребность в переопределении коллективной идентичности, находящей свое выражение в таких конструктах, как «российская нация», апеллирующих к общности исторической судьбы.

Открытость и доступность информационных ресурсов по истории, размещенных в сетях общего пользования, не только определяют доминирующие состав и процедуры хранения и поиска информации, процедуры организации коммуникационных площадок, но и влияют на процессы рефлексии, верификации,

которые воспринимают информационные системы (живые организмы, управляющие машины и др.) в процессе жизнедеятельности и работы.

осмысления, что имеет определяющее значение для становления и трансляции культуры.

Изучение информационно-коммуникативного пространства исторического знания связано, во-первых, с *анализом социальных контекстов*, в которых формировались многочисленные смыслы событий и явлений прошлого, и во-вторых, с определением *и исследованием форм бытования* (производство, хранение, распространение, трансформация и актуализация) знаний о прошедших эпохах. Семантическая составляющая, как правило, реализуется наиболее массовыми способами презентаций, определяемых материально-техническим уровнем развития общества. Структура информационно-коммуникационного пространства исторического знания определяется его задачами и функциями и включает себя прежде всего сферу производства исторического знания, т.е. сферу научного изучения прошлого.

В информационной среде степень научной обоснованности и достоверности исторических сведений напрямую зависит от того, в какой степени профессиональные ученые вовлечены в экспертизу материалов, не только специализированных СМИ, но и в оперативную деятельность по реализации информационной политики СМИ с самой широкой аудиторией.

Главным элементом информационно-коммуникативного пространства исторического знания является *текст* – это *семантический образ прошлого*, который может стать историческим источником, попав в поле зрения профессионального историка, а может стать источником легитимизации актуальных поведенческих моделей или аргументом в пользу реализации современных политических или идеологических запросов.

Таким образом, формируются два дискурса информационно-коммуникативного пространства исторического знания – профессиональный и публичный, главное отличие между которыми состоит в отношении к контексту. Профессиональное историческое знание основано на анализе текста в связи с конкретно-историческими условиями его производства и функционирования. С момента появления во второй половине XVII в. первых периодических средств научной коммуникации (издания академий и научные журналы) серьезным образом меняется облик науки, отказывающейся от идеологии «тайного знания» в

пользу идеологии «публичного приоритета». Деятельность ученого-историка в масс-медиа и цифровых медиа, связанная с тиражированием исторического знания в публичной сфере, таит в себе опасность недопустимого упрощения картины прошлого – научно значимое не всегда осознается и атрибутируется как социально значимое⁶.

Профессиональный дискурс институционально определяется деятельностью различных научно-исследовательских центров и по идее должен определять содержание многообразных scholarly (образовательных) практик, посредством которых транслируется историческое знание. Но вот понимание смысла изучения истории у современных ученых и государства различное⁷. Для государства смысл изучения истории в школе и (в качестве предмета общегуманитарного цикла) в вузах, видимо, определяется, прежде всего, мощным воспитательным потенциалом этого предмета – воспитание патриотизма, гражданственности, определение основ консолидации современного общества. Воспитательную функцию не отрицает и научное сообщество, но тем не менее, школьные и, особенно, университетские курсы истории могут рассматриваться прежде всего как первый шаг к пониманию истории как науки – предмета ее исследований и методов, посредством которых эти исследования осуществляются. Но так или иначе scholarly среда призвана *сформировать систему знаний о прошлом*. Постановка проблемы трансляции исторического знания в scholarly среде рассматривается нами как важная часть изучения информационно-коммуникационного пространства исторического знания. Образовательные практики в области исторического знания несут в себе элементы научного изучения истории и публичной истории.

Публичная история, представляющая собой большую совокупность практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, и

⁶ Зверева В.В. 2003.

⁷ Напомним о недавних дискуссиях вокруг образовательных стандартов третьего поколения, ЕГЭ по истории, единого учебника по российской истории...

на представление его в формах, предназначенных для широкой публики, «пишется» от настоящего к прошлому. И по отношению к современным текстам, которые конституируют публичную сферу истории, создаются и редактируются с клавиатуры и вообще могут представлять собой не нарратив (а банки данных, визуальные ряды, картографические материалы и пр.), принципы классической источниковедческой критики не всегда применимы, а если и применимы, то нуждаются в адаптации.

Отметим еще одну особенность современного информационно-коммуникативного пространства исторического знания. В отличие от предшествующих обществ и культур, имевших весьма узкие, обозримые для индивида и хорошо упорядоченные формы сохранения и трансляции значимой исторической информации, возникновение современных обществ связано как с бурным ростом числа информационных каналов (не вытесняющих, но дополняющих друг друга), так и с увеличением их информационной плотности. «Необозримость» информации о прошлом, которая очевидна для всякого, кто обращается сейчас к Интернету, в действительности является многовековой проблемой. Уже в первый век книгопечатания возникло осознание этого процесса. И все же окончательный распад единого информационного поля происходит, по видимому, только в начале XIX в. Следствием этого является, например, размывание некоторых классических культурных канонов (в частности, возникает возможность реализации субъективных предпочтений), а также снижение уровня критериев информационного отбора в силу исчезновения единой контролирующей культурной инстанции⁸. Отдельный человек теряет не просто возможность овладения всем историческим и шире – социально значимым информационным пространством: он не может уследить даже за наиболее важными новинками в этом потоке. Предпринимая усилия в этом направлении, человек изменяет некоторые фундаментальные параметры своей идентичности, когда происходит то, что Г. Люббе называет «сокращением нашего пребывания в настоящем», то есть стремительное устаревание прошлого и дина-

⁸ В. Куренной. 2013.

мизация ожиданий будущего⁹. Интенсификация информационного потока ведет также к тому, что новизна достигается за счет постоянной «рекультивации» устаревших идей (Н. Луман). Эта проблема распространяется сегодня фактически на все информационные каналы – в том числе и на историческую науку.

В связи с этим развитие русского языкового пространства исторического знания, пространства исторического и культурного наследия не должно происходить спонтанно, поскольку рядом существует множество управляемых и структурируемых конкурирующих пространств влияния на архетипы и смыслы существования людей. Систематизация и профессиональная экспертиза информационных потоков исторического знания и их коммуникативных полей являются одной из приоритетных задач исторического сообщества.

Результаты нашей работы в изучении информационно-коммуникационного пространства исторического знания представлены в трех изданиях¹⁰ исследованиями сотрудников исторических академических и университетских научных центров, учителей истории, философов. При организации и проведении международной конференции очевидный интерес к этой теме был проявлен со стороны представителей государственной власти и специалистов, работающих в сфере публичной истории. Опубликованные издания не исчерпывают заявленной темы, но ясно показывают сложность, многоаспектность и практическую значимость ее изучения, а также широкое разнообразие в научных и методологических подходах к исследованию информационно-коммуникативного пространства исторического знания.

⁹ Люббе Г. URL:

http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/plotnikov/transitions/01_zugzeit.htm.

¹⁰ Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М.: ИВИ РАН, 2014. 390 с. // отв. ред. М.С. Бобкова; Люди и тексты. Исторический альманах. «Заказ» на историю. Актуализация информационного пространства прошлого. М.: ИВИ РАН, 2014. 415 с. // отв. ред. М.С. Бобкова; Люди и тексты. Исторический альманах 2013. Историческое знание в контексте книжной культуры. М.: ИВИ РАН, 2014. 385 с. // отв. ред. М.С. Бобкова.

Литература

- Зверева В.В.* Репрезентация и реальность // Отечественные записки. 2003. №4. URL: <http://culturca.narod.ru> (13.08.2014).
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000; Эко У. От интернета к Гутенбергу. URL: <http://nlo.magazine.ru/philosoph/inostr/10.html> (13.08.2014).
- В. Куренной.* Медиа: средства в поисках целей // Отечественные записки. 2013. №4. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/media-sredstva-v-poiskah-celey> (13.08.2014).
- Люббе Г.* В ногу со временем: О сокращении нашего пребывания в настоящем. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/plotnikov/transitions/01_zugzeit.htm (13.08.2014).
- Медиа: история экспансии.
URL <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3169/3170> (13.08.2014)
- Сергей Переслегин, Елена Переслегина.* Того, что достаточно для Геродота...
URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/geo/anthology/enough/> (13.08.2014);
- Ellul J.* The Technological Society. N. Y. 1964.
- McLuhan M.* Understanding media. Cambridge. 1997.
- Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М.: ИВИ РАН. 2014. 390 с. // отв. ред. М.С. Бобкова.
- Люди и тексты. Исторический альманах. «Заказ» на историю. Актуализация информационного пространства прошлого. М.: ИВИ РАН, 2014. 415 с. // отв. ред. М.С. Бобкова.
- Люди и тексты. Исторический альманах 2013. Историческое знание в контексте книжной культуры. М.: ИВИ РАН, 2014. 385 с. // отв. ред. М.С. Бобкова.